

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 339.54(470:510)

doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-70-87

Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий и долгосрочные перспективы сближения экономик

Дмитрий Александрович Изотов

Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия
izotov@ecrin.ru

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей и текущих проблем торгово-экономических взаимодействий России и Китая в условиях пандемии COVID-19 и широкомасштабных санкций к российской экономике со стороны западных стран, на основе которого определены перспективы сближения двух экономик. Выявлено, что для 2022 г. большей достоверностью значений российско-китайской торговли характеризовались данные Таможенного комитета КНР. Определена дифференцированная реакция в расходах на транспортировку товаров между странами в период пандемии: инвариантность – из Китая в Россию; увеличение более чем в два раза – из России в Китай. Показано, что пандемия и санкции способствовали наращиванию поставок товаров из Китая на российский рынок, замещая на нем продукцию из западных стран. Выявлено, что главным источником увеличения импорта из России в Китай являлись топливно-энергетические товары в связи с увеличением цен и физических объемов поставок на китайский рынок. Показано, что наряду с существующими эндогенными и экзогенными рисками ориентация на китайский рынок может сгенерировать негативные эффекты от монополии, а также снижение экспортной выручки для российской стороны. Доказывается, что в перспективе возможно ожидать наращивание поставок товаров в Россию компаниями КНР регионального уровня, увеличение значения приграничной торговли, расширение транспортных коридоров, снижение тарифных барьеров, освоение рынка Китая российским бизнесом, а также привлечение китайских инвестиций и интенсификации расчетов в национальных валютах. Показано, что экономики Китая и России функционируют в целом на основе рыночных принципов и тесно включены в глобальную экономику, несмотря на текущие и будущие экзогенные ограничения.

Ключевые слова: экспорт, импорт, зеркальная статистика, COVID-19, санкции, кооперация, Россия, Китай

Для цитирования: Изотов Д. А. Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий и долгосрочные перспективы сближения экономик // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 70–87. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-70-87>

Russia and China: current problems of trade interactions and the long-term prospects for economic cooperation

Dmitriy A. Izotov

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia
izotov@ecrin.ru

Abstract. *The study is devoted to the analysis of features and current problems of trade and economic interactions between Russia and China during the COVID-19 pandemic and sanctions against the Russian economy. Based on this analysis, the author identified possibility of cooperation between the economies. It was found that for 2022, China's customs data was reliable for determining the value of Sino-Russian trade. Differentiated response in the costs of transporting goods between these countries during the pandemic was determined: invariant - from China to Russia; more than doubling costs – from Russia to China. The pandemic and sanctions contributed to an increase in exports from China to Russia. It was revealed that the main source of increasing imports from Russia to China was fuel and energy goods, due to an increase in prices and volumes of supplies. At the same time, for the Russian companies, redirection of goods to China was forced, and their subsequent expansion of these goods into the Chinese market requires significant investments. Along with the existing endogenous and exogenous risks, for the Russian companies targeting the Chinese market could generate negative effects from monopsony, as well as a decrease in export revenue. In the future, we can expect: an increase in supplies to Russia by the regional-level Chinese companies, an increase of cross-border trade and a reduction in mutual tariff barriers; development of the Chinese market by Russian business, as well as attracting Chinese investment and expanding settlements in national currencies.*

Keywords: *export, import, mirrors statistics, COVID-19, sanctions, cooperation, Russia, China*

For citation: Izotov D. A. Russia and China: current problems of trade interactions and the long-term prospects for economic cooperation // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 70–87. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-70-87>

Введение

За последнюю четверть века политические и экономические взаимоотношения России и Китая заметно интенсифицировались. Наблюдается взаимная заинтересованность руководства России и Китая в поддержании двустороннего стратегического партнерства. Экономики России и Китая являются достаточно разными с точки зрения специализации и насыщенности факторами производства, однако они дополняют друг друга, во всяком случае, на данном этапе развития. По вполне объективным причинам Китай стал одним из основных торговых партнеров для России, заметно увеличив поставки своей продукции на российский рынок, предьявляя при этом

устойчиво высокий спрос на традиционные товары российского экспорта. За Россией постепенно стал закрепляться статус крупнейшего поставщика в КНР по ряду ключевых сырьевых товаров, а китайский рынок стал важным направлением для целей диверсификации экспорта сырьевых товаров и источником бесперебойного функционирования российской экономики. Тем не менее за последние пять лет произошли заметные изменения в глобальной экономике, вызванные факторами «форс-мажора», непосредственно затронувшими экономику России и Китая.

Во-первых, в конце 2019 г. на территории Китая возник эпицентр распространения коронавируса COVID-

19 [Экономика..., 2021. С. 11], вызвав рост избыточной смертности населения во многих странах мира. В результате, вплоть до 2022 г. в большинстве стран мира осуществлялась структурная перестройка экономики для оперативного реагирования на возникшую угрозу, в том числе за счет создания барьеров для внешних трудовых и торговых потоков, создания импортозамещающих производств на фоне снижения доходов населения и высокой инфляции. Поскольку в Китае сосредоточено большое число ориентированных на экспорт сборочных производств ведущих глобальных и субглобальных корпораций, то увеличение издержек значительно усложнило глобальный товарообмен по причине простоя производственных мощностей ввиду многочисленных «локдаунов» и роста сравнительных затрат на транспортировку товаров. Наряду с этим китайское руководство с конца 2019 г. последовательно придерживалось политики жестких мер для сдерживания коронавируса или стратегии «нулевой терпимости» к COVID-19, основанной на избыточных административных ограничениях, что негативно повлияло на экономику Китая [Изотов, 2021]. В конце 2019 г. – 2021 г. были зафиксированы наиболее строгие ограничения в Китае в рамках стратегии «нулевой терпимости», а в 2022 г. данные меры стали постепенно ослабевать в отличие от подавляющего большинства других стран, которые к этому времени уже отказались от соответствующих профилактических мер. В рамках пандемии COVID-19, принявшей в 2020–2021 гг. глобальный характер, наблюдалась существенная коррекция цен на сырьевые товары, составляющие основу российского экспорта. В частности, отмечалось серьезное снижение цен на сырую нефть в 2020 г. на глобальном рынке.

Во-вторых, введение широкомасштабных санкций к российской экономике со стороны западных стран в 2022 г. Расширение стратегического взаимодействия российской экономики с западными странами, преимущественно с государствами Европейского союза (далее – ЕС), осуществлялось продол-

жительное время. До 2010 г. казалось, что Россия и ЕС способны создать интеграционный торгово-экономический формат, однако последующее накопление противоречий в двусторонних политических отношениях привело к снижению активности в этом направлении. Значительное углубление «разлома» в двусторонних отношениях произошло после введения санкций со стороны подавляющего большинства западных стран к экономике России с начала 2022 г., в их числе – финансовые санкции, секторальные ограничения, создание барьеров для торговли, гибридные санкции, ограничения для перевозок и т. д. [Тимофеев, 2022]. Фундаментальные ограничения на поддержание торгово-экономических отношений с Россией со стороны данных стран способствовали тому, что российский бизнес стал искать возможности для осуществления кардинальной переориентации своей торговли в пользу других стран и объединений [Simola, 2022; Simola, 2023]. Появился перечень «дружественных» для России стран, которые в явном виде не присоединились к широкомасштабным санкциям по отношению к российской экономике, к числу которых относится вторая после США экономика в мире – Китай. При этом риски, связанные с возможностью расширения экономических санкций, в том числе вторичных, создают значительные препятствия для торгово-экономических взаимодействий с российским рынком для большинства стран, не присоединившихся к ограничениям к российской экономике.

С исследовательской точки зрения, сложность для анализа динамики торговли между Россией и Китаем стала заключаться в том, что с 2022 г. Федеральная таможенная служба России перестала публиковать данные по географическому распределению российской внешней торговли. Поэтому с 2022 г. определение объемов внешней торговли России, декомпозированной по зарубежным странам, является довольно проблематичным. К настоящему времени имеются два основных источника для анализа динамики российской внешней

торговли, декомпозированной по странам: «предварительные» статистические данные, которые представляют собой оценочные значения, публикуемые международными организациями; данные «зеркальной» статистики экспортных и импортных потоков стран-партнеров. С этой точки зрения, представляется важным выяснить, какой из указанных источников статистических данных является более достоверным для анализа российско-китайской торговли за 2022 г. В этом случае, отталкиваясь от релевантных статистических данных, возможно провести более корректный анализ динамики торговых взаимодействий России с КНР в рамках периода пандемии и санкций. Также на основании имеющихся фактологических и статистических данных возможно обозначить ключевые проблемы и перспективы торгово-экономической кооперации между КНР и Россией в новых условиях.

Взаимодействия между Россией и Китаем: корректность статистических данных двусторонней торговли во время санкций

Отслеживание динамики торговых взаимодействий России с Китаем по состоянию на 2022 г. возможно на основе «предварительных» статистических данных и данных «зеркальной» статистики КНР. «Предварительные» данные публикуются международными организациями, среди которых выделяется ООН¹. Другим способом определения торговли России с КНР является использование соответствующей таможенной статистики Китая². Несмотря на то, что использованная в таком виде статистика отличается от реальных значений, поскольку «зеркальный» экспорт отражается в ценах ФОБ, а импорт – в ценах СИФ, т. е. включая транспортные расходы и расходы на страхование груза, в текущих условиях применение такого подхода является довольно логичным для сопоставительного анализа двусторонней торговли.

Поскольку в данном исследовании

интерес представляет определение корректной динамики двусторонней торговли, то для сравнения использованы как «предварительные», так и «зеркальные» данные торговых взаимодействий России с КНР (рис.1).

Соотнесение «предварительных» и «зеркальных» статистических данных российско-китайской торговли указало на их сопоставимость для периода 2018–2021 гг., в рамках которого товарооборот России с КНР характеризовался положительным сальдо торгового баланса. Видимое сокращение товарооборота между странами во время пандемии COVID-19 было зафиксировано только в 2020 г. в период жестких ограничений и в результате снижения цен на сырьевую продукцию, являющейся основой российских поставок в Китай. По статистике 2022 г. подобного соотношения между показателями не наблюдалось, указывая в целом на слабую сопоставимость между «предварительной» и «зеркальной» статистикой российско-китайской торговли, ввиду явной недооценки «предварительных» данных экспорта из России в КНР и импорта в Россию из КНР.

Можно предположить, что заметная разница между показателями определяется наращиванием транспортных расходов в связи с санкциями по отношению к России со стороны западных стран, существенно ограничившими доступ российских экспортеров и импортеров к рынку глобальных перевозок. В случае корректного ведения статистического учета товарообмена между двумя торгующими странами разница между «зеркальным» импортом, отраженным в ценах СИФ, и экспортом, рассчитанным в ценах ФОБ, представляет собой сумму транспортных и страховых издержек на перемещение товаров между этими странами [Globerman, Storer, 2010]. Отношение значения данной разницы к экспорту представляет собой долю издержек на транспортировку товаров из страны i в страну j в стоимости этого

¹ UNCTADstat. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

² Customs statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China.: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

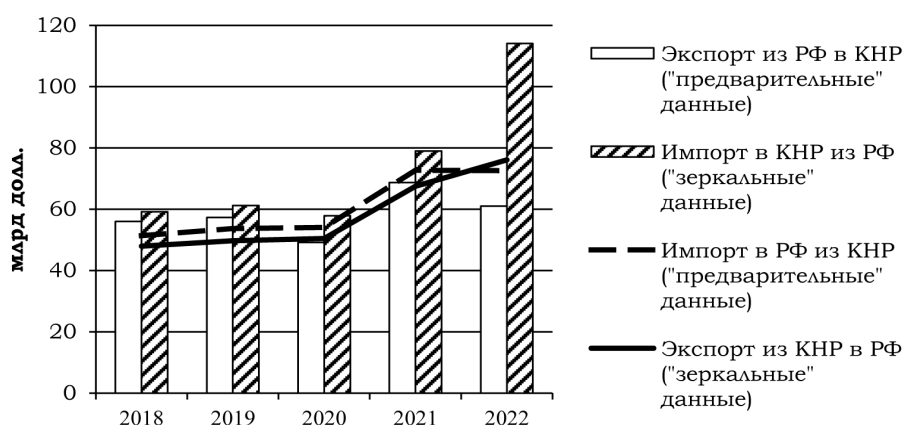

Рис. 1. Динамика российско-китайской торговли: «предварительные» и «зеркальные» статистические данные

Источник: UNCTADstat. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en; Customs statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

товара на территории страны j :

$$TC_{ij} = ((Import_{ji} - Export_{ij}) / Export_{ij}) \times 100\%, \quad (1)$$

где: $Import_j$ – импорт в страну j из страны i в ценах СИФ; $Export$ – экспорт из страны i в страну j в ценах ФОБ. В рамках обозначенного методического подхода, на основе имеющихся данных «предварительной» и «зеркальной» статистики российско-китайской торговли, были оценены издержки на транспортировку для потоков российских товаров в КНР и китайских товаров на российский рынок (рис. 2).

С одной стороны, оценка указала на увеличение (более чем в два раза) расходов на транспортировку российского экспорта в Китай в рамках пандемии в 2020 г. и в 2021 г. (17,7% и 15,0% соответственно) по сравнению с 2018 г. и 2019 г. (5,6% и 6,8% соответственно), что объяснялось строгостью проводимой политики внешней изоляции КНР в период распространения COVID-19, выражавшейся в частых запретах на ввоз зарубежных товаров, в том числе из России, всеми видами транспорта, за исключением трубопроводного. В свою очередь, из-

держки на транспортировку китайских товаров на российский рынок не увеличились в период пандемии, указывая на менее жесткие правила ввоза товаров в Россию из Китая в 2020–2021 гг.

С другой стороны, расчеты подтвердили несопоставимость между «предварительной» и «зеркальной» статистикой российско-китайской торговли, поскольку в 2022 г. доля расходов на транспортировку товаров из России в КНР составила бы 87,1% от их стоимости, а из КНР в Россию и вовсе была бы отрицательной. Относительно учета российского экспорта в Китай можно утверждать, что в 2022 г. расходы на транспортировку российских товаров на китайский рынок не были выше 2020–2021 гг., поскольку поставки из России в КНР осуществлялись главным образом по коридорам, пересекающим совместную сухопутную границу между странами. По этой причине санкции со стороны западных стран не могли значительно увеличить стоимость перевозки товаров из России в Китай. Поэтому реальный стоимостной объем экспорта из России в Китай, очевидно, превышает значения «предварительной» статистики ООН.

Что касается импорта в Россию из Китая, то различия между «предвари-

Рис.2. Доля издержек на транспортировку товаров между Россией и КНР

Рассчитано по: UNCTADstat. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en; Customs statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

тельной» и «зеркальной» статистикой могут быть частично объяснены смещением торговых потоков из КНР в третьи страны, поскольку в данном случае, чисто статистически, до российских потребителей доходил не весь китайский импорт. Можно, конечно, предположить, что в этом случае осуществлялся банальный реэкспорт китайских товаров в пользу третьих стран, но более правдоподобным объяснением данного «феномена» является недостаточный статистический учет импорта из КНР в связи с ограничениями по отношению к России со стороны западных стран расчетов в доминирующих валютах – долларе США, евро и т. д. В этой связи теряется возможность учета реального стоимостного объема импорта, ввозимого на территорию России. Поэтому для дальнейшего анализа динамики российско-китайских взаимодействий между странами будет использована статистика торговли Китая с Россией согласно данным Таможенного комитета КНР, т. е. «зеркальная» статистика для российской стороны.

Динамика торговых взаимодействий России с КНР: «сквозь призму» китайской таможенной статистики

Согласно данным китайской статистики, товарооборот между Китаем и Россией за 2018–2022 гг. увеличился почти на 77,6%: со 107,1 млрд долл. до 190,3 млрд соответственно. По размеру това-

рооборота в 2022 г. Россия вошла в десятку крупнейших торговых партнеров КНР, уступая США (761,7 млрд долл.), Республике Корея (362,3 млрд), Японии (357,4 млрд), Тайваню (319,8 млрд), Гонконгу (305,4 млрд), Вьетнаму (235 млрд), Германии (227,6 млрд), Австралии (220,9 млрд) и Малайзии (203,6 млрд), обогнав по данному показателю Бразилию (171,5 млрд долл.). В свою очередь, суммарный внешний товарооборот Китая в рамках указанного периода увеличился только на 36,6% – с 4620 млрд долл. до 6310 млрд соответственно, указывая на определенный рост сравнительной интенсивности торговых взаимодействий КНР с Россией. При этом доля России в суммарном внешнем товарообороте Китая была небольшой, увеличившись с 2,3% в 2018 г. до 3,0% в 2022 г., прежде всего, за счет наращивания поставок товаров из России на китайский рынок.

В результате, доля России в импортных потоках в КНР увеличилась с 2,8% в 2018 г. до 4,2% в 2022 г., а в экспортных поставках Китая – только с 1,9% до 2,1% соответственно. При этом долгосрочная динамика двусторонней торговли указала на смещение экспортных поставок из КНР на российский рынок в пользу потребительских и инвестиционных товаров с высокой добавленной стоимостью, выпускаемых в том числе на предприятиях с

иностранным капиталом. Экспорт из Китая в Россию за указанный период увеличился на 60% – с 48,0 млрд долл. в 2018 г. и до 76,1 млрд в 2022 г. соответственно. Ограничения, связанные с реализацией политики «нулевой терпимости» к COVID-19, и санкции, примененные западными странами к России, способствовали еще большему наращиванию поставок товаров с высокой добавленной стоимостью из Китая на российский рынок.

В 2020–2021 гг. во время действия жестких ограничений в КНР, связанных с пандемией, структура китайского экспорта в Россию являлась довольно стабильной, несмотря на некоторое сокращение стоимостных объемов продукции пищевой промышленности, что было связано, прежде всего, с реализацией карантинных мер. В поставках из Китая в Россию была заметна доля машин, оборудования и механизмов, электротехнического оборудования, транспортных средств, продукции химической и нефтехимической промышленности (табл. 1).

Ослабление политики «нулевой терпи-

мости» к COVID-19 в КНР в целом совпало с введением санкций против российской экономики в 2022 г. По сравнению с 2021 г. в 2022 г. наблюдалось заметное увеличение доли следующих товарных групп китайского экспорта на российский рынок: транспортные средства; продукция химической и нефтехимической промышленности; изделия из древесины. Наращивание перечисленных товарных групп китайского экспорта способствовало частичной компенсации выбывающих поставок на российский рынок соответствующей продукции из стран ЕС, а также снизившегося выпуска в России на ряде предприятий с капиталом из стран, присоединившихся к санкциям, введенных по отношению к российской экономике.

Помимо продукции химической и нефтехимической промышленности, представленной довольно разнообразными товарами, в том числе инвестиционного назначения, в рамках анализируемого периода одним из наиболее динамичных категорий китайского экспорта в Рос-

Таблица 1

Товарная структура экспорта из КНР в Россию, %

Товарная группа	2018	2019	2020	2021	2022
Живые животные и продукты животного происхождения	0,4	0,5	0,3	0,3	0,3
Продукты растительного происхождения, жиры и масла	2,0	1,8	1,1	1,0	1,1
Готовые пищевые продукты, напитки, табак	1,7	1,4	1,3	1,1	1,1
Минеральные продукты	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Топливо-энергетические товары	0,8	0,7	0,2	0,2	0,4
Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности	4,8	4,8	5,3	5,6	9,2
Пластмассы, каучук, резина и изделия из них	4,1	4,4	4,7	5,3	7,0
Необработанные шкуры, выделанная кожа, натуральный мех и изделия из них	7,8	7,5	4,6	3,1	2,1
Древесина и изделия из нее, древесная масса, бумага, картон	1,1	1,1	1,1	0,9	1,7
Текстильные материалы и изделия	12,1	10,8	10,7	8,0	7,1
Обувь, головные уборы, зонты	4,7	4,5	3,5	3,9	3,7
Изделия из камня, стекла, драгоценные камни и металлы	1,9	1,8	2,0	1,7	1,6
Недрагоценные металлы и изделия из них	7,3	7,8	7,3	8,4	7,3
Машины, оборудование и механизмы, электротехническое оборудование	38,0	37,7	41,4	42,6	39,7
Транспортные средства	5,5	5,4	5,3	7,5	9,7
Разнообразные товары	7,7	9,8	11,0	10,4	7,9

Источник: рассчитано автором по: Customs statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

сию являлась поставка автомобильного транспорта и запасных частей к ним. По сравнению с 2018 г. к 2022 г. стоимостной объем экспорта автомобилей из Китая в Россию увеличился почти в три раза. После введения санкций к российской экономике со стороны западных стран в 2022 г. в число лидеров по поставкам данной продукции на российский рынок вошел Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, на территории которого стала формироваться производственная и торговая инфраструктура для сбыта и обслуживания автомобилей на рынке Евразийского экономического союза, в который входит Россия. Данное обстоятельство указывает на формирующиеся планы китайского бизнеса долгосрочного присутствия на российском рынке транспортных средств, который стал заметно трансформироваться по причине санкций.

В целом причины расширения экспорта из КНР в Россию продукции с высокой добавленной стоимостью как потребительского, так и производственного назначения были продиктованы следующими обстоятельствами: ограничения, связанные с пандемией, в целом не затрудняли поставку различного рода машин и оборудования из КНР на российский рынок; наблюдалось частичное возмещение китайскими производителями существовавших ранее поставок сложных товаров из западных стран в Россию; на российском рынке, несмотря на санкции, стал постепенно восстанавливаться спрос на импорт, отложенный в связи с пандемией. При этом тенденция замещения на российском рынке ряда европейских товаров китайскими сформировалась до введения широкомасштабных санкций против российской экономики [Garcia-Herrero, Xu, 2016; Garcia-Herrero, Xu, 2019]. В результате, российский рынок в конце 2022 г. стал более открытым для товаров из КНР, при этом стали наблюдаться трудности с поставкой технологически сложной продукции, что было продиктовано опасением китайского бизнеса глобального уровня попасть под возможные

вторичные санкции со стороны западных стран, с которыми корпоративный сектор КНР имеет тесные технические и технологические связи. По мере увеличения масштабов поставок товаров из КНР на российский рынок, а также снятия ограничений, связанных с COVID-19, стоимость контейнерных перевозок из Китая в Россию стала сокращаться, снизившись на 30–35% в конце 2022 г. – начале 2023 г. по сравнению с 2021 г.³

Помимо обозначенных прямых поставок китайских товаров на российский рынок, может осуществляться ввоз в Россию продукции зарубежного сектора китайской экономики по «параллельному» импорту, поскольку бизнес из западных стран, являющийся главным инвестором в КНР, придерживается введенных санкций по отношению к российской экономике, распространяя данные ограничения на свою продукцию, произведенную на территории Китая. По этой причине можно предположить, что экспорт из КНР в Россию по данным китайских таможенных органов не является полным для 2022 г., поскольку не учитывает реэкспорт товаров из Китая (которые производятся на китайской территории на предприятиях с прямыми инвестициями из западных стран) на российский рынок из Казахстана, Армении, Киргизии и других «дружественных» России стран.

Согласно данным китайской таможенной статистики, импорт из России в Китай в рассматриваемом временном промежутке увеличился почти вдвое – с 59,1 млрд долл. в 2018 г. до 114,1 млрд в 2022 г. соответственно. Для поддержки населения и стимулирования экономики в Китае в 2020–2022 гг. были реализованы многочисленные пакеты мер, которые позволили поддержать спрос на зарубежные товары, в том числе из России. Главным источником увеличения импорта из России в Китай являлись ставшие уже традиционными поставки сырьевых товаров, доля которых к 2022 г. составила более 90%, основную часть которых составляли топливно-энергетические товары (табл. 2).

³ Скорлыгина Н. Контейнеры едут фрахтически нормально // Коммерсантъ. 22.05.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5999130> (дата обращения 01.08.2023).

Таблица 2

Товарная структура импорта из России в КНР, %

Товарная группа	2018	2019	2020	2021	2022
Живые животные и продукты животного происхождения	3,1	3,3	3,1	2,1	2,3
Продукты растительного происхождения, жиры и масла	1,4	1,7	2,8	2,0	2,0
Готовые пищевые продукты, напитки, табак	0,8	0,9	1,2	1,3	1,0
Минеральные продукты	2,8	3,8	6,3	5,5	3,4
Топливо-энергетические товары	71,6	69,9	58,7	67,4	74,8
Продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности	1,7	2,3	1,9	1,6	1,8
Пластмассы, каучук, резина и изделия из них	0,9	1,0	2,1	1,1	1,1
Древесина и изделия из нее, древесная масса, бумага, картон	10,2	8,7	8,4	7,2	5,0
Текстильные материалы и изделия	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0
Изделия из камня, стекла, драгоценные камни и металлы	0,7	1,1	2,6	2,0	1,4
Недрагоценные металлы и изделия из них	5,2	6,0	11,5	9,0	6,6
Машины, оборудование и механизмы, электротехническое оборудование	0,5	0,5	0,4	0,4	0,3
Транспортные средства	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1
Разнообразные товары	0,7	0,7	0,7	0,3	0,1

Источник: рассчитано автором по: Customs statistics / General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>

Следует заметить, что за последние три десятилетия Китай стал ведущим потребителем сырьевых товаров в мире, определенная часть которых компенсируется импортными поставками. Рост городов, увеличение интенсивности транспортных перевозок, а также бурное развитие автомобильной промышленности в КНР способствовали тому, что китайская экономика стала одним из главных потребителей сырой нефти в мире. За последние два десятилетия основными сырьевыми товарами, поставляемыми в Китай, являлась продукция топливно-энергетического и минерально-сырьевого комплексов, охватывая поставщиков данных товаров как из АТР, так и за пределами субглобального региона.

Доля России в суммарном импорте топливно-энергетических товаров в Китай увеличилась с 12,2% в 2018 г. до 16,0% в 2022 г. Нарастивание ввоза из России на китайский рынок топливно-энергетических товаров осуществлялось

как при помощи нефтяной и газовой трубопроводной инфраструктуры («Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) и «Сила Сибири»), так и поставками нефти, нефтепродуктов и угля морским и железнодорожным транспортом, а также сжиженного природного газа из ямальских и сахалинских проектов. В 2022 г. импорт топливно-энергетических товаров в КНР из России увеличился на 60% по сравнению с 2021 г. в связи с увеличением цен на энергоносители на мировом рынке и увеличением физических объемов поставок на китайский рынок. Основная доля в поставках из России в КНР топливно-энергетических товаров приходилась на нефть и нефтепродукты.

Несмотря на увеличение российских поставок, общую ситуацию стало усугублять введение потолка цен на российскую нефть со стороны западных стран, а транспортные компании стали отказываться перевозить данный товар из российских портов. Ценовые ограничения

для российской нефти вызвали заметные изменения в географической структуре ее поставок на внешний рынок. Если до введения широкомасштабных санкций до 75% физического объема вывезенной из России сырой нефти поставлялось в страны ЕС, то в 2022 г. ситуация существенно изменилась: на страны ЕС приходился только 21% от поставок российской нефти за рубеж, при этом на Китай – 46%, на Индию – 26% и на Турцию – 5% [Hilgenstock, Ribakova, Wolff, 2023; Babina, Hilgenstock, Itskhoki, Mironov, Ribakova, 2023]. Наращивание поставок российской нефти в КНР не было случайным, а по причине сложившегося диспаритета цен. Так, российские компании в 2022 г. экспортировали нефть в КНР почти за 82 долл. за баррель, что было гораздо выше цен на данную продукцию, чем на рынках стран ЕС, Турции и Индии (табл. 3).

Российская нефть в Китай поставлялась главным образом из портов юга Дальнего Востока и по ответвлению нефтепровода ВСТО. Однако перенаправление нефтяных потоков из России на рынки прочих стран, к которым относится КНР, по мере сокращения цен на нефть на мировых рынках стало постепенно приводить к заметному сокращению выручки для российских компаний по сравнению с существовавшими прежде направлениями сбыта

данной продукции. Стали проявляться негативные последствия вынужденного изменения географической направленности российской нефти по причине увеличения стоимости транспортировки ввиду значительных расстояний до новых рынков сбыта, проблемами дальнейшей ликвидности выручки, полученной в национальных валютах стран-импортеров, поскольку китайский юань и индийская рупия не являются свободно конвертируемыми, а турецкая лира характеризуется довольно сильной волатильностью по отношению к доллару США и евро.

Стоимостной объем закупок Китаем российского трубопроводного и сжиженного природного газа в 2022 г. увеличился на 6,5 млрд долл. или в 2,5 раза по сравнению с 2021 г., что является рекордным значением для данного показателя за все время продаж газа из России на китайский рынок. Поставки природного газа по трубопроводу «Сила Сибири» из России в Китай в 2022 г. достигли рекордных 15,5 млрд куб. м.⁴ Помимо этого, поставки сжиженного природного газа из Сахалина и Ямала в 2022 г. также ориентировались на восстанавливающийся после пандемии рынок КНР. В результате, к концу 2022 г. поставки из России природного газа в КНР превзошли физические объемы других поставщи-

Таблица 3

Средняя цена на российскую нефть после введения санкций к России в 2022 г.: страны-потребители и маршруты доставки, долл. за баррель

Страна-потребитель	Маршрут доставки						
	Все маршруты	Порты Балтийского моря	Порты Черного моря	Порты Арктики	Порты Тихого океана	Нефтепровод «Дружба»	Нефтепровод ВСТО
Все страны мира	73,7	59,9	63,3	79,3	82,2	63,0	80,9
Страны ЕС	69,8	75,4	68,1	79,8	–	63,0	–
КНР	81,9	64,0	–	–	84,3	–	80,9
Индия	64,0	58,0	58,2	–	69,6	–	–
Турция	68,9	55,7	58,4	–	–	–	–

Источник: [Hilgenstock, Ribakova, Wolff, 2023; Babina, Hilgenstock, Itskhoki, Mironov, Ribakova, 2023].

⁴ Кеффер Л. Новак: поставки по «Силе Сибири» в Китай в 2022 году достигли рекордных 15,5 млрд куб. м газа // Коммерсантъ. 16.01.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5772587> (дата обращения 01.08.2023).

ков данного товара на китайский рынок – Катара, Туркменистана и Австралии. По всей видимости, ввод новых маршрутов поставок природного газа из России в Китай, в том числе через Монголию, позволит в ближайшее десятилетие заметно расширить объемы продаж данного товара на китайский рынок.

Китай является крупнейшим производителем и потребителем угля в мире, дефицит которого активно компенсируется за счет импорта, в том числе из России. Поскольку потоки данного сырьевого товара спешно перенаправлялись российскими компаниями с европейского направления на азиатские страны, в том числе в Китай, в 2022 г. на китайский рынок из России было поставлено по стоимостному объему на 70,0% больше угля по сравнению с 2021 г. При этом Китай не является премиальным рынком для угля в АТР, и для российских угольных компаний данное перенаправление потоков можно рассматривать как вынужденное. В результате оперативной «переброски» угля на китайский рынок на юге Дальнего Востока стал образовываться дефицит пропускной способности на железной дороге, для нивелирования которого потребуются значительные капиталовложения в транспортную инфраструктуру российского макрорегиона.

В связи со смягчением антиковидных ограничений и началом восстановления экономики Северо-Востока КНР в 2022 г. Китай также нарастил поставки электроэнергии из России. При этом поставки электроэнергии из России никогда не занимали заметного места в общем стоимостном объеме российских поставок в Китай. Возможно, что по мере расширения двусторонних экономических взаимодействий излишки электроэнергии, производимой в Амурской области, будут и далее поставляться в провинцию Хэйлунцзян, при этом объемы таких поставок будут сдерживаться существующими возможностями генерирующих мощностей на российской территории.

Помимо топливно-энергетических товаров, китайский рынок становится одним из основных внешних рынков сбыта для рыбной отрасли всего Дальнего Востока России. В целом за прошедшее десятилетие поставки рыбы и морепродуктов из российского Дальнего Востока осуществлялись преимущественно в китайские провинции Шаньдун и Ляонин. Далее, благодаря созданию транспортного коридора «Приморье-2», связавшего порты юга Приморского края России с Северо-Востоком КНР, российская рыбная продукция стала также поступать в китайскую провинцию Цзилинь. В период пандемии Китай довольно часто закрывал свои морские порты для отгрузки рыбной продукции, ввозимой на китайский рынок российскими поставщиками⁵. По мере снятия таких ограничений, стоимостные объемы поставок рыбной продукции в КНР из России стали возрастать, в частности в 2022 г. они увеличились почти на 50% по сравнению с 2021 г.

К 2022 г. постепенно увеличивались поставки из России в Китай продукции сельского хозяйства, а также удобрений. При этом российские поставщики сталкивались со значительными барьерами, препятствующими развертыванию широкомасштабных поставок продукции агросектора в Китай, к которым относились жесткие фитосанитарные требования, высокие экспортные пошлины на российской стороне, проблемы конвертации валют, отсутствие банковской поддержки и нерешенные проблемы совместимости стандартов продукции⁶. С другой стороны, даже в случае снятия административных барьеров, для формирования сухопутного зернового коридора из России в Китай на российской территории необходимы заметные капиталовложения в строительство элеваторов вдоль Транссибирской магистрали и морских терминалов на юге Дальнего Востока. По причине тесной кооперации России с глобальным рынком зерна основной движущей силой наращивания

⁵ Полухин А. Рыбе некуда податься. У Китая тоже нашлись причины закрыть порты // *Коммерсантъ*. 04.03.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5240312> (дата обращения 01 сентября 2023).

⁶ Смирнов Г. Агросектор не спешит на восток // *Коммерсантъ*. 08.06.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5393473> (дата обращения 01.08.2023).

поставок зерна на китайский рынок является баланс между сравнительными выгодами и издержками, отраженными в размере «ценовой маржи» для российских поставщиков [Fu, Tong, 2023].

Поставки недрагоценных металлов из России в Китай главным образом приходились на цветные металлы, основная доля которых торговалась на китайских биржах даже в период жестких ограничений во время пандемии: медь, никель и алюминий. По сравнению с цветными металлами продукцию черной металлургии Китай традиционно закупал в России в гораздо меньших объемах ввиду избытка собственных мощностей по выпуску данной продукции. В 2022 г. поставки черных металлов из России в КНР стали возрастать, указывая на восстановление китайской экономики после пандемии.

Древесина и лесоматериалы являлись традиционно поставляемой продукцией из России в КНР, при этом такие поставки были крайне изменчивы во времени, поскольку сильно зависели от мер промышленной и торговой политики в России [Narins, 2015]. Так, в 2021 г. с целью стимулирования глубокой переработки древесины в России была введена запретительная пошлина на вывоз необработанной древесины, а также сокращено количество пунктов таможенного пропуска на российской стороне, через которые данные товары могут вывозиться в Китай. В результате, в 2022 г., с одной стороны, данные механизмы стимулирования деревообрабатывающей промышленности в России негативно повлияли на поставки российской древесины в КНР, с другой стороны, санкции со стороны западных стран значительно осложнили вывоз древесины на рынок стран ЕС из западных регионов России, которую, в свою очередь, стало довольно сложно переориентировать на китайский рынок без снижения прибыли для российских компаний ввиду значительных транспортных издержек. По всей видимости, Китай в ближайшее время станет крупнейшим потребителем древесины из России, при этом российский бизнес вполне может столкнуться с проявлением нега-

тивных эффектов от монополии.

Проблемы и перспективы торгово-экономической кооперации между КНР и Россией в новых условиях

Санкционное давление со стороны западных стран на российскую экономику с 2022 г. является широкомасштабным. Применение санкций к крупной экономике, которой является Россия, является беспрецедентным. Риски введения вторичных санкций по отношению к третьим странам, взаимодействующим с российской экономикой, постепенно увеличиваются. Китай не присоединился к широкомасштабным санкциям против России, при этом соблюдая некоторые положения данных ограничений, в частности, в явном виде блокируя возможности их обхода для российской стороны, очевидно не желая потерять выгоды от взаимосвязей с большинством западных стран и их объединений. Некоторое давление на Китай по ужесточению санкций к России осуществляется, прежде всего, со стороны США. В случае присоединения Китая к данным санкциям против России, по аналогии с западными странами, кумулятивный отрицательный эффект для российской экономики будет не фатальным, но довольно ощутимым [Mahlstein, McDaniel, Schropp, Tsigas, 2022]. Всеобъемлющая изоляция российской экономики может стать очень опасным прецедентом для глобальной экономики, поскольку Россия является одним из крупнейших в мире экспортеров сырьевых товаров, непосредственно влияя на объем их предложения на глобальном и субглобальном рынках, задавая тем самым их ценообразование, особенно для рынка сырой нефти.

С другой стороны, несмотря на формальное соблюдение Китаем наложенных на Россию санкций, китайское руководство давно относится к нарастанию конфронтации с западными странами как к неминувшему процессу, поскольку КНР рассматривается в руководящих документах большинства западных стран в роли «стратегического» и «системного» противника: в США – с 2011 г.; в ЕС – с 2019 г. Поэтому введение санкций к КНР со стороны западных стран, по аналогии с Россией, в перспективе уже не является

маловероятным. Приведет ли данное развитие событий к биполярному миру или сохранению глобального «статус-кво» – в текущих условиях однозначно ответить довольно сложно, хотя еще десять лет назад серьезных противоречий между Китаем и западными странами в целом не наблюдалось.

Неразрешенность противоречий политических взаимоотношений России и западных стран способствовала наращиванию российско-китайских политических и торгово-экономических взаимодействий [Aksenov, Li, Abbas, Fambo, Popkov, Ponkratov, Kosov, Elyakova, Vasiljeva, 2023]. По итогам 2022 г. Россия вошла в десятку основных торговых партнеров КНР, увеличив поставки на китайский рынок в основном продукции с низкой степенью переработки. В условиях жесткой санкционной политики западных стран к российской экономике Китай становится для России одним из основных рынков сбыта ряда товарных групп, которые ранее поступали на европейский рынок. В ближайшей перспективе вполне возможно заметное наращивание экспорта из КНР в Россию в условиях нивелирования политики «нулевой терпимости» к COVID-19 и расширения санкций, примененных к российской экономике со стороны западных стран.

Динамика и товарная структура поставок китайской продукции на российский рынок объясняется структурной особенностью функционирования экономики России, одним из проявлений которой являлось удовлетворение конечного спроса массовыми импортными поставками. При этом в перспективе возможно изменение экспортных потоков из КНР в Россию за счет следующих процессов: наращивание поставок товаров китайскими компаниями регионального уровня; увеличение значения приграничных регионов Китая в расширении поставок товаров на российский рынок, что способно интенсифицировать торгово-экономические взаимодействия с российским рынком внутренних китайских территорий; расширение пропускной способности сухопутных транспортных маршрутов и снижение тарифных барьеров. Несмотря на

рассматриваемые в контексте политики и безопасности текущие ограничения [Schubert, Savkin, 2016; Krapohl, Vasileva-Dienes, 2020] для заключения преференциального торгового соглашения между Россией и Китаем, в ближайшей перспективе возможно достижение обоюдных договоренностей по созданию интеграционного формата между КНР и Евразийским экономическим союзом, куда входит Россия, а также по снижению барьеров торговых взаимодействий в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Также возможно сближение стран в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» [Malle, 2017].

Китай является протяженной в пространстве страной и характеризуется довольно дифференцированными торговыми взаимосвязями с российским рынком как для экспортных, так и импортных потоков. По мере нарастания поставок из России в Китай, в связи с восстановлением экономики КНР после пандемии, может быть запущен долгосрочный процесс перенаправления некоторых товаропотоков российских сырьевых товаров с Северо-Востока Китая в развитие китайские приморские регионы. Вероятно, будут появляться возможности по снижению различного рода барьеров, что может способствовать увеличению поставок из России на китайский рынок, диверсифицируя их между регионами КНР и снижая эффект от монополии со стороны бизнеса ряда китайских регионов.

В свою очередь, при прочих равных условиях поставки российских товаров на китайский рынок могут определяться следующими процессами: результативностью расширения ввоза традиционных и новых товарных групп в КНР, в том числе за счет наращивания пропускной способности транспортной инфраструктуры южных регионов Дальнего Востока России; освоением внутреннего рынка КНР российским бизнесом; привлечением китайских инвестиций в совместные проекты на российской территории для вывоза производимой продукции на китайский рынок; расширением расчетов в национальных валютах. На ближайшую перспективу основной задачей для

наращивания поставок России в КНР и увеличения их товарного многообразия является максимально активное присутствие российского бизнеса на внутреннем рынке Китая с точки зрения преодоления всевозможных барьеров, препятствующих двусторонним взаимодействиям. В этом случае положительные эффекты от сближения двух экономик могут возрасти. Возможности непосредственного включения России в процесс торгово-экономического сближения с КНР также могут быть увязаны с целями по развитию российского Дальнего Востока. Снижение барьеров торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России с рынками близлежащих китайских провинций может увеличить интенсивность взаимной торговли, способствуя проявлению положительных эффектов для российской экономики в целом. При снижении барьеров приграничная торговля между двумя странами может быть увеличена в довольно сжатые сроки, поскольку за три десятилетия двусторонних взаимодействий по обе стороны границы сформировалось бизнес-сообщество, имеющее большой опыт предпринимательской деятельности на российском и китайском рынках, создав «сетевые структуры», связывающие производителей и потребителей товаров в России и Китае [Sosnovskikh, 2021].

Особые надежды для России могут быть связаны с расширением инвестиционного сотрудничества с КНР, которое находилось «в тени» бурных торговых взаимодействий между странами. В случае обоюдных договоренностей в экономику России может быть направлен капитал из КНР, а также увеличено кредитование российского и совместно с китайским корпоративного сектора, даже несмотря на приостановку Китаем некоторых прямых инвестиций в России в 2022 г. В частности, на заседании межправительственной комиссии по инвестиционному сотрудничеству представители России и Китая договорились о выделении 1,3 млрд долл. в новые проекты на российской территории, а за первые

восемь месяцев 2022 г. инвестиции из Китая в Россию составили 450 млн долл., увеличившись на 150% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года⁷. Для дальнейшего привлечения в Россию прямых инвестиций из Китая, очевидно, необходимо снижать риски и предоставлять гарантии для китайского капитала [Luzyanin, 2020].

Следует заметить, что восстановление китайской экономики после пандемии COVID-19 проходит довольно медленно. Существуют риски расширения неэффективных капиталовложений и роста долгов в государственном секторе экономики КНР при нарастании кризисных процессов в секторе недвижимости, снижении потребления и роста инфляции. В таких условиях может снизиться спрос на сырьевые товары, закупаемые за рубежом, в том числе в России. В условиях отсутствия альтернативных поставок на другие рынки российская экономика способна оказаться в зависимости от циклов развития китайской экономики. С другой стороны, в Китае могут быть начаты преобразования, способствуя развитию инновационного сектора экономики и росту потребительских расходов на основе тесного сотрудничества с зарубежными странами.

Заключение

На основе сопоставительного анализа «предварительной» и «зеркальной» статистики торговли между Россией и Китаем, сформированной ООН и Таможенным комитетом КНР для 2022 г. соответственно, была выявлена большая достоверность китайских данных. Определено, что Россия и Китай по-разному реализовывали меры по предотвращению распространения COVID-19, что сказалось на дифференцированной реакции расходов на перемещение товаров между странами. Так, полученная оценка выявила увеличение расходов на транспортировку российских товаров в Китай более чем в два раза в период пандемии. При этом в период пандемии издержки на доставку товаров из Китая в Россию не увеличи-

⁷ Баласян А. Россия и Китай договорились проинвестировать совместные проекты на \$1,3 млрд // Коммерсантъ. 08.11.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5652855> (дата обращения 01.08.2023).

лись, указывая на менее жесткие правила ввоза товаров в Россию из КНР.

Опираясь на статистику Таможенного комитета КНР, было показано, что ограничения, связанные с реализацией политики «нулевой терпимости» к COVID-19, и санкции, примененные к России, способствовали наращиванию поставок товаров с высокой добавленной стоимостью из Китая на российский рынок, что способствовало замещению на российском рынке соответствующей продукции из западных стран. Было определено, что ограничения, связанные с пандемией, в целом не затрудняли поставку товаров из Китая в Россию, при этом на российском рынке постепенно восстанавливался отложенный спрос на импорт. В результате, российский рынок стал более открытым для китайских товаров, несмотря на общие трудности с поставкой технологически сложной продукции из-за рубежа.

Для стимулирования экономики во время пандемии в Китае были реализованы крупные пакеты мер государственной поддержки, которые позволили поддержать спрос на зарубежные товары, в том числе из России. Главным источником увеличения импорта из России в Китай являлись топливно-энергетические товары в связи с увеличением цен и физических объемов поставок на китайский рынок. Во время санкций российские компании экспортировали нефть в КНР по более высоким ценам, чем в третьи страны. При этом стали проявляться негативные последствия вынужденного изменения географической направленности российских топливно-энергетических товаров по причине увеличения стоимости транспортировки и проблем дальнейшей ликвидности полученной выручки. В целом для российских компаний перенаправление потоков топливно-энергетических товаров в сторону Китая можно охарактеризовать как вынужденное. Помимо топливно-энергетических товаров, китайский рынок становится одним из основных внешних рынков сбыта для рыбной отрасли России. В период пандемии Китай довольно часто закрывал свои морские порты для отгрузки рыбной продукции, ввозимой на китайский

рынок российскими поставщиками, вынуждая снижать цены за поставляемую продукцию. Большие перспективы для российских поставщиков стали видаться в экспорте зерновых культур на рынок Китая, что потребует капиталовложений в строительство инфраструктуры на юге Дальнего Востока России для хранения и вывоза данной продукции. Также Китай способен стать крупнейшим покупателем древесины из России, при этом российский бизнес вполне может столкнуться с проявлением негативных эффектов от монополии, а также снижением экспортной выручки.

Китай не присоединился к широкомасштабным санкциям против России, при этом соблюдая некоторые положения данных ограничений. В 2022 г. Китай стал одним из главных бенефициаров «разворота» экспортных потоков России с европейского рынка в сторону «дружественных» стран. Данный процесс в какой-то степени подтверждает то обстоятельство, что на самом деле торговые взаимодействия в современной глобальной экономике близки к оптимальным по Парето, поскольку экономические конфликты между отдельными странами создают возможности для выигрыша третьих стран [Афонцев, 2022].

При том, что для России расширение инвестиционного сотрудничества с КНР является перспективным, тем не менее существуют риски привязки сырьевого и потребительского рынка России к Китаю с точки зрения безальтернативности поставок на российский рынок оборудования, специализированных кадров и технологий из КНР. Тем не менее, высказываются вполне обоснованные мнения [Guan, 2022], что при сближении стран важно сокращать зависимость двусторонних взаимодействий от чрезмерной политической координации, делая ставку на расширение кооперации между бизнесом двух стран. Можно резюмировать, что экономики Китая и России функционируют в целом на основе рыночных принципов и широкой интеграции в глобальную экономику, несмотря на имеющиеся и будущие экзогенные ограничения. Данное обстоятельство по-

звolyает бизнесу как России, так и Китая в текущих условиях оперативно наращивать торговые взаимодействия, обходить возникающие внешние и внутренние барьеры для сохранения, укрепления и диверсификации экономических взаимосвязей. Несмотря на имеющиеся ограничения, на фоне обострения конкуренции

на рынках развитых стран китайское руководство продолжает рассматривать Россию в числе стран своего долгосрочного присутствия как для перспективного расширения рынка сбыта продукции отечественного сектора экономики КНР, так и для диверсификации зарубежных источников поставок сырьевых товаров.

Список источников:

1. Афонцев С. А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал новой экономической ассоциации. 2022. №5(55). С.193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10
2. Изотов Д. А. Меры государственной поддержки экономики в странах Большой тройки Северо-Восточной Азии в период пандемии // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 156–178. DOI: 10.14530/se.2021.3.156-178
3. Тимофеев И. Н. Политика санкций против России: новый этап // Журнал новой экономической ассоциации. 2022. №5 (55). С.198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11
4. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / Под ред. А.А. Кудрина. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 344 с.
5. Aksenov G, Li R, Abbas Q, Fambo H, Popkov S, Ponkratov V, Kosov M, Elyakova I, Vasiljeva M. Development of Trade and Financial-Economical Relationships between China and Russia: A Study Based on the Trade Gravity Model // *Sustainability*. 2023. Vol.15. Issue 7. Pp.6099. DOI: 10.3390/su15076099
6. Babina T., Hilgenstock B., Itskhoki O., Mironov M., Ribakova E. Assessing the Impact of International Sanctions on Russian Oil Exports // *SSRN Electronic Journal*, 2023, February 23. DOI: 10.2139/ssrn.4366337
7. Fu J., Tong G. The State of Grain Trade between China and Russia: Analysis of Growth Effect and Its Influencing Factors // *Agriculture*. 2023. Vol.13. Issue 7. Pp.1407. DOI: 10.3390/agriculture13071407
8. Garcia-Herrero A., Xu J. The China-Russia Trade Relationship and Its Impact on Europe. Bruegel Working Paper. 2016. Issue 4. 12 p. DOI: 10.2139/ssrn.3160494
9. Garcia-Herrero A., Xu J. How does China fare on the Russian market? Implications for the European Union // *Russian Journal of Economics*. 2019. Vol.5. Issue 4. Pp.385-399. DOI: 10.32609/j.ruje.5.49346
10. Globerman S., Storer P. Geographic and Temporal Variations in Freight Costs for U.S. Imports from Canada: Measurement and Analysis. Border Policy Research Institute Publications 80. Western Washington University. Western CEDAR, 2010. https://cedar.wvu.edu/bpri_publications/80
11. Guan G. Thirty years of China–Russia strategic relations: achievements, characteristics and prospects // *China International Strategy Review*. 2022. Vol.4. Pp.21-38. DOI: 10.1007/s42533-022-00101-6
12. Hilgenstock B., Ribakova E., Wolff G.B. Toughening Financial Sanctions on Russia // *Intereconomics*. 2023. Vol.58. Issue4. Pp.201-208. DOI: 10.2478/ie-2023-0042
13. Krapohl S., Vasileva-Dienes A. The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia // *Asia Europe Journal*. 2020. Vol. 18. Pp.347-366. DOI: 10.1007/s10308-019-00548-0
14. Luzyanin S.G. The Present and Future of Russia–China Relations // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol.90. Pp.9-14. DOI: 10.1134/S1019331620010190
15. Mahlstein K., McDaniel C., Schropp S., Tsigas M. Estimating the economic effects

of sanctions on Russia: An Allied trade embargo // *The World Economy*. 2022. Vol.45. Pp.3344–3383. DOI: 10.1111/twec.13311

16. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior // *Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8. Issue 2. Pp.136-150. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.003

17. Narins T. Dynamics of the Russia-China Forest Products Trade // *Growth and Change*. 2015. Vol. 46. Issue 4. Pp.688-703. DOI: 10.1111/grow.12108

18. Schubert J., Savkin D. Dubious Economic Partnership: Why a China-Russia Free Trade Agreement Is Hard to Reach // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2016. Vol.2. Issue 4. Pp.529-547. DOI: 10.1142/S2377740016500287

19. Simola H. Made in Russia? Assessing Russia's potential for import substitution. BOFIT Policy Brief, No. 3/2022. <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:fi:bof-202205051182> (дата обращения 01 сентября 2023).

20. Simola H. What the literature says about the effects of sanctions on Russia. BOFIT Policy Brief. 2023 No. 8. <https://publications.bof.fi/handle/10024/52716>

21. Sosnovskikh S. A new form of parallel trading within economics relations between Russia and China // *Post-Communist Economies*. 2021. Vol. 33. Issue 1. Pp.94-118. DOI: 10.1080/14631377.2020.1745562

References:

1. Afontsev S. A. (2022) Political paradoxes of economic sanctions *Zhurnal novej ekonomicheskoy associacii* [The Journal of the New Economic Association]. No. 5(55): 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-10 (In Russ.).

2. Izotov D. (2021) Economic Policy Responses to COVID-19 of the Northeast Asia Countries *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 17. No. 3: 156–178. DOI: 10.14530/se..3.156-178 (In Russ.).

3. Timofeev I. N. (2022) Policy of sanctions against Russia: Newest stage *Zhurnal novej ekonomicheskoy associacii* [The Journal of the New Economic Association]. No. 5 (55): 198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11 (In Russ.).

4. Economics and Economic Policy in the Context of a Pandemic. Edited by A.L. Kudrin. Moscow, 2021, 344 p. (In Russ.).

5. Aksenov G, Li R, Abbas Q, Fambo H, Popkov S, Ponkratov V, Kosov M, Elyakova I, Vasiljeva M. (2023) Development of Trade and Financial-Economical Relationships between China and Russia: A Study Based on the Trade Gravity Model *Ustoychivoye razvitiye* [Sustainability]. Vol 15. No. 7: 6099. DOI: 10.3390/su15076099

6. Babina T., Hilgenstock B., Itskhoki O., Mironov M., Ribakova E. (2023) Assessing the Impact of International Sanctions on Russian Oil Exports *Elektronnyy zhurnal SSRN* [SSRN Electronic Journal]. February 23. DOI: 10.2139/ssrn.4366337

7. Fu J., Tong G. (2023) The State of Grain Trade between China and Russia: Analysis of Growth Effect and Its Influencing Factors *Sel'skoye khozyaystvo* [Agriculture]. Vol 13. No 7: 1407. DOI: 10.3390/agriculture13071407

8. Garcia-Herrero A., Xu J. (2016) The China-Russia Trade Relationship and Its Impact on Europe *Rabochiy dokument Breygelya* [Bruegel Working Paper]. No 4: 12. DOI: 10.2139/ssrn.3160494

9. Garcia-Herrero A., Xu J. (2019) How does China fare on the Russian market? Implications for the European Union *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Journal of Economics]. Vol. 5. No. 4: 385–399. DOI: 10.32609/j.ruje.5.49346

10. Globerman S., Storer P. (2010) Geographic and Temporal Variations in Freight Costs for U.S. Imports from Canada: Measurement and Analysis *Publikatsii Instituta issledovaniy pogranychnoy politiki 80. Universitet Zapadnogo Vashingtona. Zapadnyy KEDR* [Border Policy Research Institute Publications 80. Western Washington University. Western CEDAR]. https://cedar.wvu.edu/bpri_publications/80 Guan G. (2022) Thirty years

of China–Russia strategic relations: achievements, characteristics and prospects *Obzor mezhdunarodnoy strategii Kitaya* [China International Strategy Review]. Vol 4: 21–38. DOI: 10.1007/s42533-022-00101-6

11. Hilgenstock B., Ribakova E., Wolff G. B. (2023) Toughening Financial Sanctions on Russia *Interekonomika* [Intereconomics]. Vol. 58. No. 4: 201–208. DOI: 10.2478/ie-2023-0042

12. Krapohl S., Vasileva-Dienes A. (2020) The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia *Aziatsko-Yevropeyskiy zhurnal* [Asia Europe Journal]. Vol 18: 347–366. DOI: 10.1007/s10308-019-00548-0

13. Luzyanin S.G. The Present and Future of Russia–China Relations *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2020. Vol. 90: 9–14. DOI: 10.1134/S1019331620010190

14. Mahlstein K., McDaniel C., Schropp S., Tsigas M. (2022) Estimating the economic effects of sanctions on Russia: An Allied trade embargo *Mirovaya ekonomika* [The World Economy]. Vol. 45: 3344–3383. DOI: 10.1111/twec.13311

15. Malle S. (2017) Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior *Zhurnal yevraziyskikh issledovaniy* [Journal of Eurasian Studies]. Vol. 8. No. 2: 136–150. DOI: 10.1016/j.euras.2017.02.003

16. Narins T. (2015) Dynamics of the Russia-China Forest Products Trade *Rost i izmeneniya* [Growth and Change]. Vol. 46. No. 4: 688–703. DOI: 10.1111/grow.12108

17. Schubert J., Savkin D. (2016) Dubious Economic Partnership: Why a China-Russia Free Trade Agreement Is Hard to Reach *Kitayskiy yezhekvartal'nyy zhurnal mezhdunarodnykh strategicheskikh issledovaniy* [China Quarterly of International Strategic Studies]. Vol. 2. No. 4: 529–547. DOI: 10.1142/S2377740016500287

18. Simola H. (2022) Made in Russia? Assessing Russia's potential for import substitution *Kratkoye izlozheniye politiki BOFIT* [BOFIT Policy Brief]. No. 3. <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:fi:bof-202205051182> (accessed September 01, 2023).

19. Simola H. (2023) What the literature says about the effects of sanctions on Russia *Kratkoye izlozheniye politiki BOFIT* [BOFIT Policy Brief]. No. 8. <https://publications.bof.fi/handle/10024/52716> (accessed September 01, 2023).

20. Sosnovskikh S. A new form of parallel trading within economics relations between Russia and China // *Post-Communist Economies*, 2021, vol 33, no 1, pp. 94–118. DOI: 10.1080/14631377.2020.1745562

Статья поступила в редакцию 03.08.2023; одобрена после рецензирования 17.08.2023; принята к публикации 18.08.2023.

The article was submitted 03.08.2023; approved after reviewing 17.08.2023; accepted for publication 18.08.2023.

Информация об авторе

Д. А. Изотов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

D. A. Izotov – Doctor of Economics, leading research fellow, the Economic Research Institute, FEB RAS.